

22.10.94

СКОЛЬКО удивительных историй случается в Петербурге в недолгую пору белых ночей! Вот и в том, 1921 году литературную общественность города на Неве взволновало загадочное событие: исчез поэт Мандельштам. Исчез внезапно, буквально в одночасье, что не могло не броситься в глаза, ибо Мандельштам — быстрый, общительный, непоседливый — умудрялся появляться в течение дня в самых разных местах. Утром он, размахивая папироской и обсыпая всех пеплом, обсуждал новинку в книжном магазине, спустя час читал, запрокинув голову, стихи в редакции, потом в казенной столовой уплетал пшеничную кашу, выдаваемую строго по талонам, а вечером присутствовал на публичной лекции: то было время талонов и публичных лекций.

И вдруг — нигде. День прошел, другой, третий... Неделя, вторая... Потом — как гром с ясного неба: Мандельштам женился.

Мандельштам? Женился? Это была самая нелепая, самая невероятная новость. «Женатого Мандельштама никто не мог себе представить», — читаем в одной из многочисленных книг о том лихом времечке.

Его избранница, двадцатилетняя киевская художница Надя Хазина, познакомилась с будущим супругом полтора года назад в подвале самой большой гостиницы своего города. Подвал, правда, был не совсем обычным: его приспособили под ночной клуб, где собиралась местная богема. Назывался клуб лаконично и выразительно: «Хлам». Время от времени сюда заглядывали на огонек и наведывавшиеся в Киев московские либо петербургские знаменитости.

Праздничным вечером первого мая 1919 года в «Хлам» спустился из своего роскошного номера — вернее, не спустился, а сбегал — Осип Мандельштам, только что приехавший из Харькова. (Роскошный номер гостиничная администрация выделила ему, разумеется, по оплошности, приняв за кого-то другого.) Запрокинув, по своей привычке, голову, обвел быстрым, цепким взглядом собравшихся и сразу заметил тоненькую, глазастую, с короткими волосами девушку.

Надя Хазина была, конечно, не одна, в «табунке» — собственное ее выражение, но он без труда оторвал ее от компании. Каким образом? С помощью, разумеется, стихов. Стихи он читал всегда, даже на улице, «полузакрыв глаза от удовольствия... пошатываясь и толкая прохожих».

Стихи произвели магическое действие: без колебаний отправилась она к нему прямо в номер — в тот самый роскошный, не по чину полученный номер. Без колебаний, «потому что была молода и нахальна, — как скажет она о себе впоследствии. И прибавит: — Кто бы мог подумать, что на всю жизнь мы останемся вместе?..»

Вопрос риторический, но не совсем: он-то как раз так по-

думать мог, ибо, поймет она много позже, «с первой встречи с людьми, особенно с женщинами, Мандельштам знал, какое место этот человек займет в его жизни».

Она этой волшебной дальностью зрения не обладала — во всяком случае, в то время. «...Мы безумно сошлись на первый день, и я упорно твердила, что с нас хватит и двух недель, лишь бы «без переживаний».

Не получилось... Чего-чего, а уж переживаний на ее долю выпадет более чем достаточно. Но это, слава Богу, будет еще не скоро. Пока она — беспечна и весела, дерзка, отважна, легка, если не сказать: легкомысленна. «Я не понимала разницы между мужем и случайным любовником».

Уроки любви

Нет, она не была ветреной других, просто их «поколение — как она сформулирует на склоне лет — никаких клятв верности не признавало. Мы готовы были в любой момент обрывать брак, который был для нас лишь случайно затянувшейся связью, и, не задумываясь, шли на развод, вернее, на разрыв, потому что браком-то, в сущности, не пахло».

Тем не менее нечто подобное брачному обряду — или, скорей, озорной пародии на него — совершено было. На подворье Михайловского монастыря купили пару синих колечек — по грошу за каждый, однако на руки не надели. Он свое сунул в карман, а она, протерев в кольцо цепочку, носила незаметно на груди.

Был и свадебный подарок: купленная на том же Михайловском подворье дешевая кустарная гребенка с аляповатой надписью: «Спаси тебя Бог...» и катание по Днепру — щуплый, невысокий Мандельштам оказался великолепным гребцом, — и уютные кофейни, которые поэт обожал, и ночные бдения у костров в Купеческом саду: на кострах пекли картошку. Время праздника, сплошного карнавала, когда ничего не принималось всерьез и никто — или почти никто — не задумывался, что ждет их дальше...

Раз Мандельштам потихоньку увел свою подругу из Купеческого сада, поднялись на знаменитую Владимирскую горку, и тут он попытался растолковать юной нигилистке, что встреча их отнюдь не случайна и отношения влюбленных не оборвутся столь же внезапно, как начались.

Она рассмеялась в ответ. Да-

же когда выселенный из гостиницы поэт перебрался в дом ее отца, даже когда отправились вместе сначала в Москву, потом в Грузию и кое-кто публично называл ее женой Мандельштама, на что она смертельно обижалась — «какое кому дело, с кем я живу!» — даже тогда она считала их связь временной. В конце 19-го года весело расстались, и она не особенно надеялась, что увидится когда-нибудь вновь (шла гражданская война, и люди привыкли терять друг друга, а почта практически не работала), но через полгода он внезапно объявился в Киеве. Это и было то самое время, когда весь литературный Петербург говорил о таинственном исчезновении Мандельштама.

Труд - 1994 - 22 окт. - 9 10

МОЙ СЛЕПОЙ ПОВОДЫРЬ

— так обращалась в письме к Осипу Мандельштаму его жена

ИТАК, он объявился в Киеве, на новой ее квартире — прежнюю попросили освободить. Тогда выселяли не только из казенных гостиниц, но и из собственных домов, причем делали это, не церемонясь. Вот и сейчас тоже, уже вторично за короткий срок, семье Хазиных предложили перебраться в квартиру посромнее, этажом ниже.

Два перетаскивали вещи, как в пустые комнаты влетели женщины в арестантской робе и принялись под присмотром конвоя драить полы, готовя апартаменты для какой-то, видимо, шишки. В эти как раз минуты и возник на пороге Осип Мандельштам.

Она глазам своим не поверила. А он, не обращая внимания на женщин в подоткнутых серых юбках, на матюгающихся солдат, на ведра и штыки, принялся захлебывать стихи. Потом перевел дух, улыбнулся — блеснули золотые коронки — и заявил, что теперь уж не упустит ее.

«Через две-три недели мы вместе выехали на север. С тех пор мы больше не расставались...»

На север — это в Москву, что же касается «больше не расставались», то это не следует понимать буквально. Так, когда у нее обострился туберкулезный процесс, Мандельштам почти насильно отправил ее в Ялту, но то было физическое расставание — духовная связь не оборвалась: он писал ей чуть ли не ежедневно, благо почта теперь работала довольно сносно. Письма эти сохранились, они изда ны, и, читая их, можно сделать вывод, что перед нами благополучнейшая из семей. Как бы не так! Сама Надежда Яковлевна

позаботилась о том, чтобы опровергнуть возможный миф об идеальном супружестве. «Роль «жены», — признается она, — мне не подходила, да и время не способствовало образованию жен. Жена имеет смысл, если есть дом, быт, устоячивость, а ее не было в нашей жизни... Домом не пахло — земля всегда тряслась под ногами».

Тряслась она не только от политических катаклизмов, но и от непростого налаживания супружеских отношений. Если для нее слово «брак» в общем-то было пустым словом, то для него оно значило весьма много.

«По правде сказать, он держал меня в ежовых рукавицах, а я побаивалась его, но виду не показывала и все пыталась не то чтобы соскользнуть, но ус-

кользнуть хоть на часок». Иногда это удавалось. Так, однажды она буквально улетела от него — на двухместном спортивном самолете, который описал в подмосковном небе круг и, сделав «мертвую петлю» (тогда это было «модной новинкой, а я не могла не соблазниться модой»), благополучно приземлилась. Пилот галантно распахнул дверцу кабины...

Никакими лаврами дома ее, естественно, не увенчали. Какая еще «мертвая петля»? Какие полеты? Зачем? Мандельштам искренне недоумевал, как может его жена, его второе «я», жить другими, отличными от его интересами. Диктует ей только что родившиеся стихи — или даже не диктует, а быстро, без пауз, прочитывая, — он сердился, что они тотчас не отпечатывались в ее мозгу. «Мандельштам не мог понять, как я могу не помнить стихотворение, которое было у него в голове... Если что-нибудь из записанного ему не нравилось, он недоумевал, как я могла безразлично записать такую чушь, но если я бунтовала и не хотела что-нибудь записывать, он говорил: «Цы! Не вмешивайся...»

Но, разумеется, бывал Мандельштам и другим. Однажды в Батуме им пришлось ночевать на террасе, где роилась тьма москитов, и она, просыпаясь ночью, видела, как супруг смирно «сидит на стуле, рядом с кроватью, и машет листом бумаги, отгоняя от меня москитов. Боже, — вырвалось у написавшей эти строки старой женщины, — как хорошо нам было вместе — почему нам не дали дожить нашу жизнь».

КАК ВСЯКИЙ настоящий поэт, Мандельштам был пло-

хим конспиратором. Вырвавшись у него антисталинские стихи следовало немедленно уничтожить, забыть и уж, разумеется, не рассказывать о них ни одной живой душе, а он читал их направо и налево.

Когда его арестовали, он не отпирался. Да, автор антисталинских стихов — он, да, читал их разным людям. Мандельштам не отпирался, и единственное, что пытался сделать, это покончить с собой, но успел лишь надрезать вены.

Его отправили в ссылку. Жена вольна была оставаться в Москве, но имела право разделить участь мужа. Она, не задумываясь, выбрала последнее.

Это спасло его. Или, во всяком случае, продлило жизнь. В конце апреля 1936 года опаль-

338

бому, кто соглашался слушать. Иногда воровал хлеб, за что его крепко били, но при этом положенную ему пайку не ел, опасаясь, что туда подсыпали яд.

О смерти его рассказывают по-разному, но, кажется, наиболее достоверную картину нарисовал Варлам Шаламов, на собственной шкуре познавший все прелести лагерной жизни. Его маленький рассказ о Мандельштаме называется «Шерри-бренди» и начинается словами: поэт умирал.

«Поэт умирал. Большие вздутые голодом кисти рук с белыми бескровными пальцами и грязными, отросшими трубкой ногтями лежали на груди, не прячась от холода. Раньше он совал их за пазуху, на голое тело, но теперь там было слишком мало тепла».

Надежда Яковлевна ушла в мир иной, так и не узнав наверняка, в какой именно день перестало биться сердце ее мужа. Лишь после ее смерти достоянием гласности сделались документы, из которых явствует, что это случилось 27 декабря 1938 года. А двумя месяцами раньше, в одну из бессонных ночей, она написала ему письмо — на случай, если он чудом переживет ее.

«Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память...»

Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и каждая улыбка — тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник, мой слепой поводырь...»

Потом она рассказывает ему свой сон: в буфете какой-то провинциальной гостиницы покупает еду для него, а куда нести — понятия не имеет. И просыпается в холодном поту.

«Не знаю, жив ли ты, но с того дня я потеряла твой след. Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня. Знаешь ли, как люблю. Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я говорю только: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, — я плачу, я плачу, я плачу».

И — самый конец: «Это я — Надя. Где ты?»

На этот вопрос нет ответа и поныне. Найдены три крупных захоронения, где покоятся останки узников владивостокской пересыльной тюрьмы, но в которой из них Мандельштам — неизвестно. Бирка на ноге (бросая в яму, привязывали к ноге бирку) давно сгнила.

И все же душа его не бродит неприкаянная, ее приютит дру- гая душа, обретшая покой в 1980 году. Рядом с простым дубовым крестом, что стоит на могиле Надежды Яковлевны на Старокупецком кладбище в Москве лежит небольшой камень, на котором выбито: «Светлой памяти Осипа Эмильевича Мандельштама».

Руслан КИРЕЕВ.